ВИКТОРИЯ МОРОЗОВА

АРХИВ НЕСОСТОЯВШИХСЯ ВОСПОМИНАНИЙ

Виктория Морозова

Архив несостоявшихся воспоминаний

«Автор»
2026

Морозова В.

Архив несостоявшихся воспоминаний / В. Морозова — «Автор», 2026

Что, если вы помните то, чего никогда не происходило? И что, если точно такое же воспоминание есть у совершенно незнакомых людей?Елена Андреева работает в частном архиве, где хранят свидетельства о событиях, не подтверждённых документами. Для неё чужие воспоминания — лишь предмет исследования, пока среди новых поступлений не оказывается рассказ Михаила Сергеевича.Мужчина вспоминает встречу с маленькой девочкой возле заброшенного здания в августе 2000 года. Девочку звали Елена. Ей было около восьми лет.Описание незнакомого ребёнка удивительно напоминает саму Елену в детстве.Пытаясь разобраться в случайном совпадении, героиня обнаруживает следы истории, которую кто-то настойчиво пытался изменить. Чужие воспоминания складываются в пугающую картину, а собственное прошлое Елены оказывается гораздо менее надёжным, чем ей хотелось бы верить.Психологический триллер о памяти, семейных тайнах, чувстве вины и праве знать правду.

© Морозова В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая девочка 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Виктория Морозова
Архив несостоявшихся воспоминаний

Глава 1. Чужая девочка

К девяти часам утра архив обычно уже успевал наполниться особенной тишиной, которая возникала не от отсутствия людей, а от их привычки говорить вполголоса. Сотрудники приходили почти одновременно, оставляли верхнюю одежду в небольшом гардеробе у входа, включали настольные лампы и принимались за работу, стараясь не нарушать установившийся порядок. Даже разговоры здесь редко выходили за пределы необходимого: кто-то просил принести папку из соседнего отдела, кто-то уточнял номер поступления, кто-то негромко жаловался на принтер, который второй день подряд зажёвывал бумагу.

Елена Андреевна считала такую обстановку удобной. Ей нравилось, что в архиве почти не приходилось поддерживать разговоры из вежливости, изображать заинтересованность или объяснять, почему она предпочитает обедать одна. Работа требовала внимательности, терпения и умения замечать несоответствия, а всё остальное казалось необязательным дополнением, без которого вполне можно обойтись.

В тот день она пришла немного раньше обычного, успев до начала рабочего времени выпить кофе в небольшом кафе на соседней улице. На столе её уже ожидала стопка новых регистрационных листов, оставленных сотрудником приёмного отдела, а на мониторе после включения появилась таблица поступлений за текущую неделю. Елена сняла пальто, повесила его на спинку кресла и, прежде чем сесть, привычным движением поправила несколько папок на краю стола. Их следовало убрать в шкаф, однако вчера она не успела закончить каталогизацию, а оставлять незакрытые дела на виду не любила.

Частный архив несостоявшихся воспоминаний занимал несколько этажей бывшего административного здания. Со стороны он ничем не отличался от десятков подобных учреждений: неприметная вывеска, тяжёлая входная дверь, окна с простыми светлыми шторами. Внутри, однако, пространство было устроено так, чтобы посетители и сотрудники как можно реже пересекались с чужими материалами. Приёмный отдел находился на первом этаже, помещения каталогизации и сопоставления — выше, а доступ к закрытому хранению предоставлялся только по отдельному разрешению.

Елена работала в отделе каталогизации уже четвёртый год. За это время она привыкла к своеобразию архива и перестала удивляться людям, которые приходили сюда с историями о событиях, не оставивших никаких следов в документах. Кто-то помнил несуществующую школьную поездку, кто-то рассказывал о родственнике, которого не было в семейных записях, а однажды пожилая женщина принесла несколько писем от человека, чьё имя не обнаружилось ни в одном из доступных архивных реестров. Подобные случаи могли показаться странными, если воспринимать их как попытку установить объективную истину, но задача сотрудников заключалась в другом: сохранить рассказ в том виде, в каком его предоставил заявитель, зафиксировать происхождение материалов и отметить обстоятельства, которые не удавалось подтвердить.

Елена относилась к этой работе без особенного романтизма. Её не занимало, почему люди помнили то, чего, возможно, никогда не происходило, и она не пыталась искать в каждом свидетельстве скрытый смысл. Память была несовершенным инструментом, причём несовершенство это обнаруживалось не только в рассказах посетителей архива, но и в самых обычных разговорах. Люди путали даты, приписывали событиям чужие слова, меняли последовательность воспоминаний, а спустя годы могли совершенно искренне утверждать, что всегда знали

то, о чём впервые услышали накануне. Елена предпочитала документы, потому что те хотя бы сохраняли следы собственных изменений: исправления, подписи, даты, пометки на полях. Человек мог забыть, что говорил вчера, а запись оставалась.

Она открыла первую папку и приступила к проверке.

Утренние поступления оказались вполне обычными. В одном свидетельстве мужчина описывал квартиру, в которой, по его словам, прожил несколько лет после окончания университета, хотя регистрационные документы указывали на другой город. В другом женщина подробно рассказывала о младшем брате, умершем в младенчестве, но в семейных записях не нашлось подтверждения ни его рождения, ни самого факта существования. Елена не делала выводов о достоверности рассказов и не пыталась установить, почему именно эти люди обращались в архив. Она проверяла даты, уточняла формулировки, переносила сведения в электронную систему и отмечала, какие материалы ещё требовали сопоставления.

Ближе к половине одиннадцатого в кабинет заглянула сотрудница приёмного отдела.

— Елена Андреевна, у вас сегодня ещё одно поступление. Его вчера вечером передали на регистрацию, но в общую очередь не включили.

— Почему?

— Не знаю. В сопроводительной записке попросили передать непосредственно в каталогизацию. Там всё оформлено, только карточку нужно проверить.

Сотрудница положила на стол тонкую папку и задержалась возле двери, словно ожидала дополнительных вопросов. Елена открыла обложку, просмотрела сопроводительный лист, но ничего необычного не обнаружила.

— Заявитель лично приходил?

— Да, на прошлой неделе. Потом прислал дополнение к рассказу.

— Оно здесь?

— На последних страницах. Только, пожалуйста, не потеряйте первоначальный вариант. Он просил сохранить текст без изменений.

— Мы всегда сохраняем первоначальный вариант.

Сотрудница улыбнулась, немного смущённо, и ушла, оставив дверь приоткрытой. Елена закрыла папку и посмотрела на регистрационную карточку, которая лежала сверху. Документ был заполнен аккуратно, без исправлений, хотя одна строка показалась ей непривычной: в графе, предназначенной для краткого описания события, сотрудник приёмного отдела написал не название предполагаемого эпизода, а всего несколько слов — «встреча с несовершеннолетней девочкой».

Елена придвинула папку к себе.

В верхней части карточки стоял номер поступления: 06-11/284.

Дата поступления: 6 ноября 2026 года.

Дата регистрации: 6 ноября 2026 года.

Заявитель: Михаил Сергеевич.

Возраст: 45 лет.

Тип свидетельства: воспоминание о событии, не имеющем подтверждения в доступных документальных источниках.

Предполагаемая дата события: конец августа 2000 года.

Место: территория заброшенного здания на окраине города.

Елена сверила данные с электронной формой и отметила, что фамилия заявителя указана в приложении, а контактная информация внесена полностью. В поле дополнительных сведений значилось, что мужчина настаивает на сохранении первоначальной последовательности рассказа и не считает воспоминание результатом сна или поздней реконструкции. Последняя оговорка показалась ей излишней: подобные уточнения встречались в заявлениях достаточно часто, особенно когда люди заранее предполагали, что их словам не поверят.

Она перевернула страницу.

Текст был напечатан на обычных листах, но к нему прилагалась рукописная версия с подписью Михаила. Елена начала с печатного варианта, чтобы быстрее ознакомиться с содержанием.

Мужчина рассказывал, что в конце августа 2000 года возвращался домой после встречи со знакомым и решил пройти более короткой дорогой мимо заброшенного здания. Он не уточнял, что именно находилось там прежде, и не называл точного адреса, ограничиваясь описанием старой постройки с боковым входом, который выходил на пустынную дорогу. Воспоминание начиналось с того, что возле здания он заметил маленькую девочку.

«На вид ей было лет восемь. Невысокая, худенькая, с тёмными волосами до плеч. Она стояла неподалёку от входа и смотрела в сторону дороги. Я подумал, что ребёнок ждёт кого-то из взрослых, поэтому остановился и спросил, не потерялась ли она».

Елена невольно задержалась на возрасте, хотя пока не увидела в нём ничего заслуживающего внимания. Восемь лет — достаточно распространённая деталь для воспоминания о ребёнке, тем более что сам Михаил не пытался назвать точный возраст. Она перевернула страницу и продолжила чтение.

«Девочка ответила, что ждёт маму. Я спросил, давно ли она здесь и знает ли, когда та придёт. Она сказала, что мама скоро будет, после чего замолчала. Я не хотел её пугать, поэтому не стал задавать много вопросов. Мне показалось, что она немного растеряна, хотя держалась спокойно».

В следующем абзаце мужчина писал, что девочка была одета в светлую кофту и тёмную юбку, а волосы, по его впечатлению, были недавно подстрижены. Он запомнил её лицо не столько из-за каких-то особенных черт, сколько благодаря выражению: ребёнок смотрел на него внимательно, с недетской серьёзностью, будто пытался понять, можно ли ему доверять.

Елена отложила лист и вернулась к регистрационной карточке. Она уже собиралась внести краткое описание свидетельства в электронный каталог, когда заметила, что в графе «Имя упоминаемых лиц» указано только одно имя.

Елена.

Она снова посмотрела на текст, чтобы убедиться, что не ошиблась.

«Я спросил, как её зовут. Она ответила: Елена».

Несколько секунд Елена рассматривала строку, после чего вернулась к началу рассказа. Никакой фамилии, дополнительных сведений или иных подробностей, по которым можно было бы установить личность девочки, в тексте не содержалось. Имя было обычным, особенно для ребёнка, родившегося в начале девяностых. Само по себе совпадение не имело никакого значения, и Елена почти сразу вернулась к работе.

И всё же она не закрыла папку.

Её внимание привлекла следующая фраза. Михаил писал, что девочка назвала своё имя без колебаний, а затем спросила, знает ли он, где находится ближайшая остановка. Он ответил, что остановка расположена дальше по дороге, и предложил проводить её туда, однако ребёнок отказался. На этом месте рассказ прерывался, после чего на отдельном листе начиналось дополнение, отправленное заявителем позднее.

Елена сверила нумерацию страниц и обнаружила, что в первоначальной версии этот фрагмент отсутствовал. Дополнение было датировано пятым ноября, то есть накануне регистрации свидетельства. Михаил уточнял несколько обстоятельств, которые сначала счёл несущественными, но затем решил включить в рассказ, чтобы не создавать впечатления, будто он помнит больше, чем было на самом деле.

Елена отметила это для себя. Заявитель, по всей видимости, внимательно относился к точности формулировок, что облегчало работу с материалом.

Она продолжила чтение.

«Я не могу сказать, сколько времени мы разговаривали. Возможно, несколько минут. Девочка не выглядела испуганной, но на мои вопросы отвечала неохотно. Когда я спросил, знает ли она, что здание давно закрыто, она посмотрела на меня так, будто не поняла, о чём речь. Потом сказала, что ей нужно идти».

Дальше Михаил уточнял, что не видел, как девочка вошла внутрь, и не мог утверждать, что она вообще собиралась это сделать. Он лишь запомнил, что она направилась к боковому входу, а затем исчезла из его поля зрения. Последняя фраза была подчеркнута от руки, причём подчёркивание проходило неровно, словно мужчина провёл линию уже после того, как распечатал документ.

Елена сделала пометку о необходимости сохранить дополнение отдельно, затем открыла электронный поиск и ввела имя заявителя. Совпадений не обнаружилось. Она проверила поступления за предыдущие годы, однако ни Михаил Сергеевич, ни описанное им место в каталоге не встречались. Это было ожидаемо: значительная часть новых свидетельств поступала от людей, прежде никогда не обращавшихся в архив.

Работа продолжалась, но теперь Елена время от времени возвращалась взглядом к лежавшей перед ней папке. В первую очередь её заинтересовало не имя девочки, а возраст: восемь лет в конце августа 2000 года. Она машинально подсчитала, сколько лет было бы ребёнку, родившемуся в 1992-м, и тут же остановила себя. Подобные вычисления не имели отношения к профессиональной проверке документа.

Однако собственный год рождения она помнила безошибочно.

Елена открыла нижний ящик стола, где хранила личные бумаги, и достала небольшой блокнот в тёмной обложке. Между страницами лежала старая фотография, которую она несколько лет назад вложила туда, чтобы не потерять. Снимок был небольшим, слегка выцветшим по краям; на нём девочка стояла возле деревянного забора, повернувшись к фотографу вполоборота. Волосы доходили до плеч, светлая кофта была застёгнута на одну пуговицу выше, чем следовало, а выражение лица оставалось серьёзным, почти недовольным.

Елена редко рассматривала эту фотографию. Она хранила её скорее по привычке, не придавая снимку особенного значения: в детстве у неё было несколько альбомов, часть которых осталась у матери, часть со временем затерялась во время переездов. Эта фотография оказалась среди вещей, которые Елена забрала с собой, когда несколько лет назад разбирала старые коробки.

Она положила снимок рядом с распечатанным свидетельством и снова прочитала описание Михаила.

Невысокая девочка, восемь лет, тёмные волосы до плеч, светлая одежда. Конечно, сходство было приблизительным. Человек, вспоминающий незнакомого ребёнка спустя двадцать шесть лет, вполне мог ошибиться в деталях, а описание подходило множеству девочек того возраста. Тем более что Михаил не назвал ни цвета глаз, ни каких-либо особых примет.

Елена посмотрела на фотографию внимательнее, стараясь отделить первое впечатление от того, что действительно было видно. Девочка на снимке была чуть полнее, чем описанный в свидетельстве ребёнок, а волосы, возможно, немного короче. Но возраст совпадал, как и общие черты лица. Даже выражение, которое Михаил назвал недетски серьёзным, на фотографии угадывалось довольно отчётливо.

На обороте снимка сохранилась короткая надпись, сделанная знакомым почерком:

«Август 2000 года».

Елена провела пальцем по выцветшим буквам, затем перевернула фотографию лицевой стороной вверх. Она не помнила, где именно был сделан этот снимок, хотя мать наверняка могла бы ответить на такой вопрос. Впрочем, фотография могла быть сделана где угодно: во дворе, на прогулке, возле дома родственников. Августовская дата ничего не доказывала, а имя Елена не было редкостью.

Она убрала фотографию в блокнот, но не вернула его в ящик. Вместо этого открыла карточку поступления и ещё раз проверила дату события, указанную Михаилом. Конец августа 2000 года. Девочка примерно восьми лет. Имя — Елена.

В графе предварительного сопоставления она оставила отметку: «Требуется дополнительная проверка совпадений с ранее зарегистрированными свидетельствами». Формулировка была стандартной и не отражала того, что происходило у неё в голове, но Елена не собиралась переносить личные предположения в рабочий документ.

За окном постепенно темнело, хотя до конца дня оставалось ещё достаточно времени. В соседнем кабинете кто-то обсуждал порядок передачи материалов в закрытое хранение; по коридору прошла сотрудница с коробкой документов, негромко поздоровавшись с Еленой. Та ответила, не отрывая взгляда от экрана, и закрыла электронную карточку.

Свидетельство Михаила Сергеевича она пока решила оставить у себя. Не потому, что считала его достоверным или подозревала заявителя в намеренном искажении фактов. Просто материал требовал внимательной проверки, а к следующему рабочему дню она хотела поднять несколько старых поступлений, в которых упоминались дети и заброшенные здания.

Когда Елена наконец убрала документы в папку, фотография осталась лежать на столе. Она взяла её, ещё раз посмотрела на девочку и только после этого заметила, насколько знакомым казалось выражение её лица: не испуг, не обида и даже не обычная детская серьёзность, а то сосредоточенное ожидание, с которым человек смотрит на кого-то, от кого зависит ответ на важный вопрос.

Елена не помнила, кто тогда фотографировал её и почему она не улыбалась. Но собственное лицо узнала сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.